

Право, мораль, свобода

А.В. Марей

НАРОД И ЕГО КОРОЛЬ: О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АЛЬФОНСО Х И ЕЁ ИСТОКАХ¹

Аннотация: В статье рассматривается концепция народа как политического тела, сформулированная в тексте «Семи Партид» Альфонсо Х Мудрого (1252 – 1284). В рамках этой концепции король воспринимается как голова, сердце и душа народного тела, будучи объединен с ним взаимной любовью. Народ, в свою очередь, становится таковым, лишь объединяясь в любви к своему королю. Автор подвергает критике гипотезу, согласно которой источниками политической теории Альфонсо Х были тексты Иоанна Солсберийского и Фомы Аквинского и предлагает рассматривать в качестве таковых тексты, относящиеся к традиции политического августинизма, т.е., трактат Августина «О граде Божьем» и труды Исидора Севильского, в частности, «Сентенции».

Abstract: In the article, the author analyses the conception of people as a political body (*corpus politicum*) described in the text of the “*Siete Partidas*” of Alphonse X the Wise, king of Castile and Leon (1252–1284). In the frame of this theory, the people are considered as a whole body and the king as its soul, heart and head. The multitude can become the people only being united by the love to the king. The author criticizes the hypothesis according to which the principal sources of Alphonse's political theory were the works of St. Thomas Aquinas and John of Salisbury and proposed the other version. According to his version, such sources were, first of all, the texts of the tradition of political Augustinism, i.e., the “*De civitate Dei*” of St. Augustine and the “*Sententiarum Libri tres*” of Isidor of Seville.

Ключевые слова: Альфонсо Х Мудрый, «Семь Партид», политическая теология, политическое тело, томизм, августинизм

Keywords: Alphonse X the Wise, political theology, *corpus politicum*, Thomism, Augustinism

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ, проект №13-03-00181 «Научный перевод и комментирование "Семи Партид" Альфонсо Х Мудрого», а также при поддержке гранта НИУ ВШЭ «Софинансирование грантов РФФИ и РФНФ» № 14-09-0210.

1.

В литературе, посвященной политической и правовой мысли Средних веков, большое место уделяется понятию народа и представлению о его правах, обязанностях и функциях. С одной стороны, в исследованиях, проводящихся, в основном, на основании норм римского права, а также комментариев к ним, составленных средневековыми глоссаторами-цивилистами², достаточно подробно рассматриваются проблемы политической субъектности народа, его право на представительство в политической жизни, возможность творить и упразднить правовые обычаи³, уделяется внимание вопросам становления нации и развития понятия суверенитета в Средние века⁴. С другой стороны, анализ политико-теологической традиции Западной Европы, прежде всего, экзегезы Св. Писания, а также богословских трактатов отцов Церкви и их рецепции в позднее Средневековье, дает почву для исследования концепции народа как единого тела, по аналогии с *corpus mysticum* Церкви⁵.

На этом фоне парадоксально мало исследованным выглядит понятие народа, разработанное в рамках кастильской политико-правовой теории второй половины XIII века⁶. Основным памятником интеллектуальной культуры того периода, без сомнения, вошедшим в себя все наиболее значимые представления политико-правового характера, были «Семь Партид» короля Кастилии и Леоны Альфонсо X Мудрого (1252 – 1284). Рассмотрению понятия на-

² В данном случае я использую понятие «цивилист» в его изначальном, традиционном смысле, для обозначения юристов, изучавших *ius civile*, т.е., право Свода Юстиниана, в противовес «канонистам», работавшим, преимущественно, с текстами канонического права.

³ См., прежде всего: [16], [14], а также классические работы более общего характера: [20], [21] и цитированную там литературу.

⁴ [6], [24]

⁵ Средневековой традиции политического комментирования Св. Писания посвящена известная работа французского медиевиста Ф. Бюка: [5]; анализ корпоральных образов в трактате Фомы Аквинского «О королевской власти» см. в статье А. Морина: [15]; на испанском материале анализу корпоральной концепции королевства посвящена классическая работа Х.А. Маравалля: [12]; последней в этом ряду, но, безусловно, первой по значению среди исследований теории политического тела народа следует назвать классический текст Э. Канторовича, недавно наконец-то опубликованный по-русски [1].

⁶ Помимо названной выше работы Х.А. Маравалля [12], можно назвать, разве что, статью севильской исследовательницы М. Клейне [10] и диссертацию Ирины Нану, несколько страниц которой были также посвящены анализу понятия народа в политической теории Альфонсо X [17].

рода, отраженному в тексте этого памятника, и посвящена данная статья. Однако сначала следует сказать несколько слов об источнике работы, то есть, о «Семи Партидах» Альфонсо X Мудрого.

2.

Законодательная деятельность воспринималась Альфонсо X как инструмент достижения общего блага королевства. Это представление казалось вполне естественным, поскольку кастильские легисты, обучавшиеся в школах Болоньи и Монпелье, восприняли свойственное римским юристам понимание права как учения о добром и справедливом. Учение, достаточно утопичное применительно к реалиям XIII в., тем не менее, оказало огромное влияние на политическую практику Альфонсо X. Его законодательная деятельность была крайне активной именно потому, что он рассматривал её как средство кардинальной перестройки всей системы политических и социальных отношений на принципах высшего блага. Следствием стало создание им огромной и не имевшей аналогов в то время политико-правовой утопии, воплощенной в тексте «Партид».

«Партиды» были созданы в период с 1265 по 1272 г.⁷ Структурно текст Партид, как следует из названия памятника, состоит из семи книг, собранных по тематическому принципу. Книги разбиты на титулы, в которые, в свою очередь, сгруппированы законы. Структура закона как наименьшей составной части «Партид» сама по себе заслуживает отдельного исследования и потому в данной статье я ограничусь лишь коротким замечанием о том, что практически каждый такой закон, не подразделяясь формально на параграфы, все же состоит из ряда норм, собранных вместе. При этом источники каждой из норм, вошедших в один и тот же закон, могли быть различными и варьироваться от фрагментов из Свода цивильного права Юстиниана или Свода канонического права до собственных законодательных новелл Альфонсо X⁸.

⁷ Существуют и другие версии датировки Семи Партид, о которых см. подробнее: [3], [23]

⁸ Проблема законотворческой техники составителей Семи Партид ещё ждет своего исследования. Некоторые предварительные наблюдения по этому поводу могут быть найдены в двух статьях автора этих строк, тогда как более полное исследование техники работы юристов Альфонсо X будет опубликовано в рамках академического комментария к русскому изданию Семи Партид: [13], [4]

Содержательно Партиды охватывали все существовавшие на тот момент отрасли права и превосходили любой из современных им правовых сводов по широте охвата материала и глубине его теоретической и доктринальной проработки. В одном тексте юристами Альфонсо X были собраны нормы церковного и канонического (1-я Партида), процессуального (3-я Партида), семейного (4-я Партида), обязательственного (5-я Партида), наследственного (6-я Партида) и уголовного права (7-я Партида). Помимо этого, 2-я Партида представляла собой, по сути, отдельный политико-философский трактат, созданный в жанре «зеркала правителя»⁹ и описывавший идеального короля в его взаимоотношениях с народом, официальными и самой землей своего королевства. Таким образом, по замыслу короля, Партиды были призваны заменить собой все остальные нормативные тексты королевства, как духовного, так и светского характера, объединить в себе функции, выполняемые на тот момент сводами гражданского и канонического права, а также другими, меньшими по объему текстами местной пиренейской правовой традиции¹⁰. Практически, можно утверждать, что Альфонсо X претендовал на создание нового имперского свода права, превосходящего все ранее созданные образцы, включая Свод Юстиниана.

Получившийся в результате работы комиссии королевских легистов текст сильно опередил свое время: он оказался невостребован практически ни одним из сословий феодального кастильского общества. В 1274 году Альфонсо X был вынужден дерогировать Партиды и они лишились статуса источника права практически на 70 лет, вплоть до 1348 г., когда правнуком Альфонсо Мудрого было издано «Уложение Алькаль». Именно в этом документе издавший его король Альфонсо XI закрепил за Партидами статус вспомогательного источника права¹¹, который они и сохраняли в Испании вплоть до создания Гражданского и Уголовного кодексов первой половины XIX столетия, а в государствах Латинской Америки, бывших до того колониями Испании, и того дольше – до конца XIX

⁹ О Второй Партиде как о зеркале и о её месте в контексте европейской культуры *specula principum* см. уже упоминавшуюся блестящую диссертацию И. Нану и цитированную там библиографию [17].

¹⁰ Подробнее о Партидах и их месте в законодательной деятельности Альфонсо X см. следующие статьи, давно уже считающиеся классическими исследованиями по этой теме: [7], [8], [19]

¹¹ Ord. XXVIII.1

в. Для европейских же монархий позднего Средневековья и раннего Нового времени «Партиды» стали первым сводом права, созданным на национальном языке.

3.

Возвращаясь к концепции народа, отразившейся в тексте «Партид», представляется необходимым начать её анализ с определений народа, данных ему юристами Альфонсо Мудрого. В «Партидах» народ получает два прямых определения, одно из которых размещено в Первой, а другое, соответственно, во Второй Партиде. В первом из них, имеющем, скорее, количественный, нежели качественный характер, народ определяется как «соединение всех людей того королевства, где они проживают», откуда не исключаются «ни мужчины, ни женщины, ни клирики, ни миряне»¹². Второе определение, тоже количественное, акцентирует внимание на том, что «народом называется собрание вообще всех людей: и знати, и средних, и меньших, поскольку они все необходимы, и не могут не быть там, так как должны помогать друг другу, дабы все смогли вести благую жизнь, быть защищенными и иметь достаток»¹³. На первый взгляд, эти определения формальны и малосодержательны, хотя это и не так. Каждое из них несет свою смысловую и стилистическую нагрузку и важно для понимания кастильского концепта народа в его взаимоотношении с королевской властью.

В первом из приведенных определений народ осмысливается с точки зрения королевской юрисдикции и подсудности народа своему королю. В этом контексте важным оказывается как фактическое утверждение равенства перед судом мужчин и женщин, так и включение в состав «народа» представителей духовенства. Не желая, разумеется, открытого конфликта со Св. Престолом, Альфонсо X, тем не менее, претендует на расширение своей судебной власти в том числе и на клириков, то есть, на нарушение действовавшего в то время принципа разделения светской и церковной юрисдикций. Оговорюсь, что хотя представляется совершенно ясным, что речь идет о суде над клириками в вопросах мирских, а не духовных, все же подобные интенции короля не могли не вызвать

¹² Part.I.2.5

¹³ Part.II.10.1

возражений со стороны Церкви¹⁴. Данное определение народа и, как следствие, связанные с ним претензии короля на высшую власть в пределах своего королевства – практически, на совмещение в одном лице *potestas* и *auctoritas* – в известной степени, согласуются с известным законом из I титула Второй Партиды, в котором Альфонсо X, прибегая к историческому аргументу, утверждает изначальную полноту королевской власти¹⁵.

Второе определение имеет совсем другой характер и иные цели. В отличие от первого, служащего, как было сказано, для уточнения сферы королевской юрисдикции, второе вводит читателя в контекст политической теории (или, лучше сказать, политической теологии) Альфонсо X Мудрого. Основной акцент в нем делается на необходимости всех слоев общества и их взаимосвязи для того, чтобы народ мог существовать и функционировать. Таким образом, народ в данном определении представляется как совокупность людей всех сословий, нуждающихся во взаимопомощи и взаимоподдержке, поскольку только при условии их наличия они смогут вести достойную и благую жизнь (*bien biuir*). Однако взаимопомощь, ради которой, во-многом, и объединяются люди, требует наличия определенной социальной организации – начальников, которые будут вершить правосудие. Существование же подобных начальников до тех пор будет подвергать людское сообщество риску междоусобных конфликтов, пока у них не появится единый руководитель, то есть, – король, уподобляемый единой голове общего тела¹⁶.

Здесь стоит отметить, что в этом пассаже текст «Партид» практически полностью совпадает с рассуждениями Фомы Аквинского (1225 – 1274), приведенными им в первой главе первой книги своего

¹⁴ Можно вспомнить о том, что попытка короля Франции Филиппа IV Красивого не подчинить французское духовенство своему суду, но всего лишь обложить французских клириков податью на военные нужды повлекла за собой резкую отповедь со стороны Папы Бонифация VIII, содержащуюся в булле *Clericis laicos* (1296). В свою очередь, очевидно, что и утопические претензии Альфонсо X, и последующие вполне реальные действия Филиппа Красивого опирались на один и тот же исходный текст – буллу Папы Иннокентия III *Per venerabilem* (1205), в которой содержался знаменитый пассаж “...*Rex ipse superiorem in temporalibus minime recognoscat*” (X.IV.17.13). Опираясь именно на эту фразу и, во-многом, вырывая её из контекста, и кастильские, и французские легисты выводили теорию королевской *plenitudo potestatis*, т.е., абсолютной власти.

¹⁵ Part.II.1.6

¹⁶ Part.II.1.7

трактата «О королевской власти». Опираясь на известный пассаж из «Политики» Аристотеля, Аквинат пишет о том, что человек по природе своей, в отличие от животных, лишен естественных орудий защиты и нападения, а также защитных покровов. Единственное преимущество человека перед прочими тварями, по мысли Фомы, это разум (*ratio*), который позволяет ему определять, что для него полезно, а что вредно. Но пользоваться этим преимуществом человек может, только находясь в множестве (*multitudo*) себе подобных. Каждому же множеству, в свою очередь, свойственно быть управляемым чем-либо, что Фома называет «управляющей силой» (*vis regitiva*, сравни кастильское *derecha fuerça*), как и всякому телу свойственно управляться душой и наиболее важным из своих членов – сердцем или головой¹⁷. От этого сравнения остается ровно один шаг до прямого уподобления короля сердцу, голове и душе народа, который, в этом случае, воспринимается как единое тело, но именно этого шага Аквинат так и не делает. Впрочем, даже имеющиеся совпадения позволяют нескольким исследователям утверждать, что трактат «О королевской власти» был одним из непосредственных источников «Второй Партиды»¹⁸, что, по моему мнению, является несколько преждевременным.

Между рассматриваемыми местами текстов «Партид» и «О королевской власти» есть два отличия, имеющих, как представляется, достаточно серьезное значение. Во-первых, это уже обозначенное прямое уподобление короля душе, сердцу и голове народа, имеющее место в «Партидах»¹⁹ и отсутствующее у Фомы Аквинского, во-вторых, – наличие в «Партидах» промежуточной стадии людского объединения, о которой также не пишет Аквинат, то есть, стадии «начальствующих». Точный ответ о том, был ли текст Фомы прямым источником «Второй Партиды» или нет, можно будет дать только после осуществления критического издания «Партид», пока же я склоняюсь к мысли о том, что авторы кастильского свода просто пользовались теми же идеями, что и Аквинат, а идеи «телесности» народа в то время, по выражению Ж. Ле Гоффа, буквально носились в воздухе [2].

В качестве ещё одного источника кастильской концепции народа в его взаимоотношении с властью традиционно называют

¹⁷ De regno, I.1

¹⁸ См. например: [17], [11]

¹⁹ Part.II.1.5

один из наиболее известных политических трактатов Средневековья – «Поликратик» Иоанна Солсберийского (ок.1120 – 1180)²⁰. В самом деле, именно в этом тексте впервые наиболее полно раскрывается метафора королевства, а, точнее, *Respublica*, как единого тела. Автор вкладывает изложение этой теории в уста Плутарха, чем, очевидно, и объясняется некоторая архаичность избранных им образов: правитель (*princeps*) мыслится Иоанном как голова его *Respublica*, тогда как сенат – как сердце²¹. Однако, даже если не брать в расчет выбранную Иоанном образную систему и её кардинальное расхождение с политической теологией Альфонсо X, не признававшей иной формы правления, кроме монархии, все же, следует обратить внимание на два момента принципиальной важности.

Во-первых, в образе, предложенном Иоанном Солсберийским, «голова» и «сердце» политического тела *Respublica* воплощаются в разных людях, занимающих, к тому же, разное положение в структуре власти – правителе и в Сенате. Таким образом, чисто теоретически, возможно представить себе разногласие сердца и головы и последующий между ними конфликт. В частности, когда епископ Шартра обращается к теме тирании, он как раз и показывает возможный вариант подобного столкновения, когда правитель (он же – голова политического тела) вступает в противоречие с сердцем и всем остальным телом, чем, разумеется, открывает подданным возможность для сопротивления и восстания против него. В системе же, выстроенной Альфонсо X и его юристами, душа, голова и сердце народа воплощаются в одном человеке – в короле, – и, как следствие, право на восстание и сопротивление тирану оказывается сугубо эфемерным. Ведь тиран, сколь бы плохим правителем он ни был, все же, остается королем, т.е., сохраняет органическое единство со своим народом, и восстание против него для народа становится равносильно восстанию против самого себя, политическому самоубийству.

Во-вторых, ни Иоанн Солсберийский, ни Фома Аквинский не упоминают, говоря о народе как о теле, никакой чувственной компоненты, в отличие, опять-таки, от Альфонсо X, для которого она является основой всей его теории. Король должен любить и чтить всех своих подданных, воздавая каждому из них то, чего тот заслуживает²², и обеспечивать их благою жизнь в Боге, в то время, как

²⁰ См., прежде всего, работы М. Клейне и И. Нану: [10], [17, 269-274]

²¹ *Policraticus*, V.6; V.9

²² *Part.II.10.prooem.*

народ должен отвечать королю полной взаимностью. Собственно, именно эта любовь, не завоевываемая или зарабатываемая, а изначально, органически присутствующая в нем, и создает народ. Немного отвлекаясь в сторону, отмечу, что именно в этом, согласно Альфонсо X, и заключается основное отличие власти короля от власти императора. Король получает власть по наследству, император – в результате выборов²³; король любит свое королевство и свой народ, а народ не может не любить своего короля, в то время, как император должен всегда стремиться получить любовь жителей империи и бояться её утратить²⁴. Таким образом, власть короля имеет суть мистическую и эмоциональную, тогда как власть императора сугубо рациональна. Наконец, вся совокупность жителей королевства образует народ (*pueblo*), в то время, как жители империи единого народа не образуют – в тексте «Партид» их называют либо «населением» (*gente*), либо просто «жителями империи» (*los de Imperio*), но термина *pueblo* к ним ни разу не применяется.

Сказанное выше позволяет сделать один вывод. Представляется, что политическая теология королевской власти, выстроенная Альфонсо X, имеет своим основным источником не «неоримскую» парадигму, развивавшуюся Иоанном Солсберийским и, во многом, Фомой Аквинским, а нечто другое. Я склонен предполагать, что кастильская теория берет свое начало из традиции политического августинизма, в основе которой лежит богословие Аврелия Августина (354 – 430). Можно наверняка утверждать, что Альфонсо X был хорошо знаком как с трактатом «О граде Божьем», содержавшемся в его личной библиотеке²⁵, так и с другими трудами епископа Гишоны. Знал он и труды Исидора Севильского (прежде всего, «Этимологии» и «Сентенции»), в которых были аккумулированы и транслированы основные положения богословско-политической доктрины Августина.

Именно Августин в 19-й книге трактата «О граде Божьем», критикуя определение народа и *res publica*, данное Цицероном, предлагает свое, альтернативное. Если согласно Цицерону народ представляет собой «собрание многих людей, связанное между собой общностью выгоды и согласием относительно того, что есть

²³ Part.II.1.7; Part.II.1.8

²⁴ Part.II.1.3

²⁵ О составе библиотеки Альфонсо X см. например: [22], [18]

право»²⁶, то для Августина народ – это «собрание разумного множества, объединенное общностью согласия относительно вещей, которые оно любит»²⁷. Как можно заметить, определения отличаются по нескольким параметрам, однако для данного исследования принципиально важен тот факт, что Августин вводит в определение народа понятие «сердечного согласия» (*concordia*), заменяя им «разумное согласие» (*consensus*, дословно – «совпадение мыслей») Цицерона и настаивает, что народ становится таковым, лишь объединяясь в любви к неким вещам²⁸. Так, например, римский народ, по мнению Августина, является подлинным народом, поскольку любит свою *res publica*.

Несложно заметить, что приведенное определение Августина практически полностью отвечает концепции народа, сформулированной юристами Альфонсо Х. Народ, по мнению кастильского монарха, становится таковым лишь объединяясь в любви к своему королю, который, в свою очередь, является его головой, сердцем и душой, то есть, руководящим, животворящим и вдохновляющим началом. Народ же, лишенный короля, перестает быть таковым и становится, говоря словами того же Августина, *multitudo nomine populi indigna*, то есть, «толпой, недостойной имени народа». Вполне отвечает приведенной теории и отношение Альфонсо Х к проблеме тирании. Как уже говорилось выше, тиран, даже будучи плохим и извращенным, все же, остается королем, то есть, продолжает формировать единое тело вместе со своим народом. В некотором смысле, качества монарха (или тирана) обуславливаются его же народом, поскольку, по словам Аврелия Августина, чем лучше вещи, в любви к которым объединяется народ, тем лучше и сам народ, и наоборот²⁹. Августину в данном месте вторит Исидор, уточняя, что «когда правители дурны, в том виноват народ»³⁰. Народ, следовательно, становится ответственным за своего короля, точно так же, как и тот, в свою очередь, отвечает за свой народ.

²⁶ **De re publ. I.39.**

В данном случае я привожу мой перевод этой дефиниции, поскольку считаю, что перевод В. Горенштейна, опубликованный в серии «Литературные памятники», содержит грубые смысловые ошибки.

²⁷ **De civ. XIX.24**

²⁸ Более подробный сравнительный анализ дефиниций Цицерона и Августина, равно как и информацию о судьбе цицероновской дефиниции в Средние века можно найти в статье М. Кемпшелла: [9]

²⁹ **De Civ. XIX.24**

³⁰ **Sent. III.52.1**

Библиография

1. *Канторович, Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серegiной. М.: Издательство института Гайдара. 2014
2. *Ле Гофф, Ж., & Трюон, Н.* История тела в средние века. М: Текст. 2008
3. *Марей, А.* Язык права средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид. М.: УРСС. 2008
4. *Марей, А. Р.* VII.1.3 и его источники: к вопросу о технике работы составителей «Семи Партид». // Электронный научно-образовательный журнал «История»(8), (<http://history.jes.su/s207987840000238-0-1>). 2011
5. *Вис, Р.* L'ambigüitat du livre. Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age. Paris: Beauchesne. 1994
6. *Costa, P.* La soberanía en la cultura político-jurídica medieval: imágenes y teorías. // Res publica, 2007, P.33-58.
7. *Craddock, J.* The Legislative Works of Alfonso el Sabio. // Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance. Philadelphia. 1990, P. 182-197
8. *Iglesia Ferreirós, A.* Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores. // Historia. Instituciones. Documentos., 1982, 9, P.9-112.
9. *Kempshall, M.* De Re publica I.39 in Medieval and Renaissance Political Thought. // Bulletin of the Institute of Classical Studies, 2001, 45(76), P.99-135.
10. *Kleine, M.* Os elementos do corpo político e a justiça nas Sete Partidas de Afonso X (1221-1284). // Politeia: Historia e Sociologia, 2005, 5(1), P.103-118.
11. *López de Goicoechea Zabala, J.* La imago regis en las Partidas alfonsinas. // Saberes. Revista de estudios jurídicos, económicos y sociales, 2003, 1, P.1-9.
12. *Maravall, J.* Del regimen feudal al regimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X el Sabio. // Id., Estudios de historia del pensamiento español: Edad Media. Madrid: Cultura Hispánica. 1983, P.97-145
13. *Marей, А.* "Propiamente es dicha acusacion profaçamiento:" El primer titulo de la Partida Septima: el texto y las fuentes // E-Legal History Review, 2006 (2), (http://www.iustel.com/v2/revistas/detalle_revista.asp?id_noticia=405548).
14. *Miceli, P.* La costumbre en perspectiva histórica: desde el consensus populi a la voluntad popular. // Anales de Historia antigua, medieval y moderna, 2012, 44.
15. *Morin, A.* Las referencias corporales en el De regno de Tomás de Aquino. // Argos, 2005, 29, P.69-89.
16. *Morin, A., & Cucchi, S.* El tratamiento de la costumbre en la Primera Partida de Alfonso El Sabio. // Anales de Historia Antigua y Medieval, 1997, 30, P.107-121.
17. *Nanu, I.* La "Segunda Partida" de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los "specula principum". Ph.D. Dissertation. Barcelona. 2013
18. *Niederehe, H.-J.* Alfonso X el Sabio y la linguística de su tiempo. Madrid: Sociedad general española de Librería. 1987

19. *Pérez Martin, A.* La obra legislativa alfonsina y puesto que en ella ocupan las Siete Partidas. // *Glossae: Revista de Historia del Derecho Europeo*, 1992, 3, P.9-63.
20. *Post, G.* Studies in medieval legal thought. Public Law and the State. 1100-1322. Princeton: Princeton University Press. 1964
21. *Quillet, J.* Community, counsel, representation. // *The Cambridge History of Political Thought*. Cambridge: CUP, 1988, Vol.2, P.520-572
22. *Rubio García, L.* En torno a la biblioteca de Alfonso X el Sabio. // *La lengua y la literatura en tiempos de Alfonso X*. Actas del congreso internacional, Murcia, 5-10 marzo 1984. Murcia, 1985, P.531-551
23. *Sánchez-Arcilla Bernal, J.* La obra legislativa de Alfonso X el Sabio: historia de una polémica. // *El scriptorium alfonsí: de los libros de astrología a las «Cantigas de Santa María»*. Madrid, 1999, P.17-81
24. *Souto Paz, J.* La idea medieval de nación. // *Cuadernos de Derecho Público*, 1997, (2), P.117-139.

Сведения об авторе: *Марей Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры практической философии НИУ ВШЭ*